

А. В. Холоденко

ПЕТЕРБУРГСКИЙ АДРЕС В ЛИТЕРАТУРНОМ И ЭПИСТОЛЯРНОМ НАСЛЕДИИ Н. В. ГОГОЛЯ

Эти заметки возникли в результате работы над темой «Петербургский адрес как часть петербургской культуры», в которой рассматриваются история возникновения, развитие структуры, а также культура написания и устного описания петербургского адреса. Факту недавнего открытия памятника Гоголю в нашем городе – скорее, именно факту, нежели самому памятнику, – хочу я посвятить эту работу; хотелось бы также, чтобы она послужила маленьким вкладом в тему «Гоголь и Петербург».

В одном полуфантастическом письме матери 1829 года, которое почти все можно было бы назвать, выражаясь словами Владимира Набокова, «образчиком витиеватого и бессовестного вымысла»¹, Гоголь умудряется вкратить три практические просьбы, связанные с отправкой писем разным категориям адресатов; отсюда мы получаем целых три образчика петербургского почтового адреса в пределах одного письма. Первый адресат – частное лицо. Гоголь пишет: «... можете адресовать в С.-Петербург, на имя его благородия Николая Яковлевича Прокоповича, в дом Иохима, на Большой Мещанской»². Здесь сообщается местоположение (улица) и имя домовладельца. Отметим, однако, что каретный мастер Иохим, в доме которого в апреле 1829 года жил Гоголь, был очень известен в Петербурге, поэтому этих указаний вполне достаточно. В противном случае, местоположение дома на такой довольно большой улице, как Большая Мещанская, надо было бы указать более детально, скажем, «против Столярного переулка».

Второе письмо – в государственное учреждение. Поэтому достаточно указания только его названия: «Деньги вы можете адресовать прямо в опекунский совет импер[аторского] воспит[ательного] дома»³.

Наконец, третья просьба связана с посылкой письма Данилевскому, юнкеру школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров (на ее месте стоит Мариинский дворец): «Адрес его: В школу гвардейских подпрапорщиков у Синего мосту»⁴. Адрес звучит традиционно для военных заведений: упоминается только важнейший ориентир и название учреждения. Естественно, на этом конверте будет стоять и «В С.-Петербург», и «милостивому государю».

Здесь необходимо отметить, что *мост* является одним из важнейших адресных ориентиров Петербурга – города, изобилующего реками и каналами. Особенно важны девять мостов (Синий – один из них), расположенных на пересечении основных городских параллелей, то есть рек Мойки, Екатерининского канала и Фонтанки, и меридианов (улиц знаменитой трехлучевой системы города: Невского, Го-

¹ Набоков В. В. Лекции по русской литературе. М., 1996. С. 45.

² Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений. М.; Л., 1940. Т. 10. С. 150.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 151.

роховой и Вознесенского). В довольно большие «сферы влияния» мостов входят здания, адресно к ним тяготеющие.

Продолжая тему почтовых адресов, приведем уже литературный адрес – Тряпичкина из «Ревизора». Хлестаков надписывает конверт следующим образом: «Его благородию, милостивому государю, Ивану Васильевичу Тряпичкину, в Санктпетербурге, в Почтамтскую улицу, в доме под номером девяносто седьмым, поворота на двор, в третьем этаже направо».

Для почтового адреса это звучит слишком длинно; скорее, это сочетание стандартного почтового адреса (город, улица, № дома) и описательного указания, которое мы часто встречаем внутри письма, в объявлении или устном объяснении, что облегчает поиски жильца в пределах дома. Стык между этими двумя частями довольно заметный, даже грубоватый, но, возможно, это связано с тем, что для Гоголя данный адрес выполняет сразу несколько важных функций. В первой, «почтовой» части Гоголь упоминает грозные для почтмейстера Шпекина столицу и Почтамтскую улицу, в которой, по его разумению, сидят главные в стране почтовые начальники. Это важно для сюжета пьесы. Дальше следует номер дома, который ничего не говорит почтмейстеру, зато много говорит самому Гоголю. И вообще, вся оставшаяся часть адреса – хвост почтового и описательная – представляет собой большую часть реального петербургского адреса Гоголя, вплоть до указания, куда повернуться и куда подняться. Большую, потому что Гоголь жил на Малой Морской, а не на ее продолжении – Почтамтской.

Итак, мы нашли второй стык в этом адресе – стык между «сюжетно важной» и «лично близкой» автору частями – и эти стыки не совпадают.

Но и это еще не все. В результате мы получили вымышленный адрес – нет такого дома по Почтамтской улице. Мы чувствуем лукавую улыбку Гоголя – он скомпоновал нужный ему адрес и при этом наглядно показал, как нужно воспринимать петербургские реалии в его подаче. Это – как бы введение в «гоголевский петербургский адрес».

Очень любопытна адресная тема в «Женитьбе». Здесь мы присутствуем при процессе рождения неофициального, описательного адреса. Господину Кочкареву надо узнать адрес невесты, которую он не знает, у свахи Феклы, не склонной делиться секретами. Первым делом нужна фамилия невесты-домовладелицы.

КОЧКАРЕВ. <...> Дворянка, чиновница или в купечестве, что ли, и как зовут?

ФЕКЛА. Агафья Тихоновна.

КОЧКАРЕВ. Агафья Тихоновна Брандахлыстова? [*Называется первая попавшаяся фамилия. Здесь и далее текст в скобках курсивом мой. – А. Х.*]

ФЕКЛА. Ан нет – Купердягина.

(*Фамилия выяснена. Теперь дело за названием улицы*).

КОЧКАРЕВ. В Шестилавочной, что ли живет? (*Называется улица, где в принципе может жить небогатая купеческая дочка*).

ФЕКЛА. Уж вот нет, будет поближе к Пескам, в Мыльном переулке. (*Немного ранее мы узнаем, что дом находится в Московской части*).

В принципе, этих сведений (фамилия домовладельца должна красоваться над воротами) вполне достаточно, чтобы найти дом в недлинном переулке. Однако здесь снова проявляется гоголевская природа: Мыльный переулок – выдумка. Возможно, этим вкладом в топонимику Гоголь хотел сделать Петербург хоть немного почище, ведь пара существовавших Банных переулков вместе с Мойкой не перевешивали массу Грязных улиц и Грязных переулков. Несколькими страницами позже

Гоголь так же выдумает «Петровский переулочек в Песках» (в других частях города Петровские переулочки имелись).

Продолжаем. Кочкарев хочет знать еще более подробные детали, чтобы не привлекать любопытство жителей расспросами. Поэтому он должен выведать какие-то важные ориентиры, адресные маяки в пределах переулочка.

КОЧКАРЕВ. Ну да, в Мыльном переулочке, тотчас за лавочкой – деревянный дом? (*Лавка с красочной вывеской – чрезвычайно полезный ориентир, да и деревянных домов в этих местах должно быть немало*).

ФЕКЛА. И не за лавочкой, а за пивным погребом. (*Всякого рода кабаки Петр Столянский называл, ни много ни мало, «топографическими маяками Петербурга»*).

КОЧКАРЕВ. Как же за пивным, – вот тут-то я не знаю. (*Имитирует растерянность, и словоохотливая Фекла попадает на эту наживку*).

ФЕКЛА. А вот как поворотишь в проулочек, так будет тебе прямо будка, а как будку минешь, свороти налево, и вот тебе прямо в глаза, то есть так вот тебе прямо в глаза и будет деревянный дом, где живет швея, что жила прежде с сенатским обер-секлетарем. Ты к швее-то не заходи, а сейчас за нею будет второй дом каменный – вот этот дом и есть ее...

Длинный пассаж Феклы – это и есть, по сути, описательный адрес. Начинается он с полосатой будки углового будочника – хорошего, издали видного ориентира; а уж потом в дело вступает «культура» Феклы – она выдает, возможно, чисто механически, информацию совершенно ненужную для Кочкарева, абсолютно избыточную. Но можно спросить самих себя: а когда мы объясняем, как к кому или куда пройти, всегда ли мы кратки и точны, и одновременно образны в своих описаниях, насколько по-петербургски звучит наш описательный адрес?

Перейдем к повести «Нос». Вот что говорил обыкновенно майор Ковалев бабе, продававшей манишки: «Ты приходи ко мне на дом, квартира моя в Садовой, спроси *только*, здесь ли живет *майор* Ковалев – тебе всякий покажет!» [курсив мой. – А. Х.].

Сомневаюсь, чтобы кто-то серьезно обращал внимание на саму структуру этого описательного адреса. Между тем, она очень странная. Упомянута только длиннейшая Садовая улица – и все: ни адресных ориентиров, ни фамилии домовладельца (ведь Ковалев только снимает квартиру, и слова «ко мне на дом» – это всего лишь словесный оборот), ни номера дома – ничего. Что это – недомыслие или замысел Гоголя?

Скорее всего – замысел. Гоголю и надо, чтобы читатель почувствовал всю абсурдность такого адреса, по которому, вообще говоря, невозможно найти человека в большом городе (по крайней мере, уличной торговке). Но в адресе чванливо присутствует его главное действующее лицо – даже не сам Ковалев, а его чин. Собственно, ради рекламы собственного майорского чина Ковалев и затевает разговор с торговкой. Чин, по сути, заменяет весь адрес. «Тебе всякий покажет» означает для нас – «любой встреченный человек на Садовой», только спроси – и тут же его лицо просияет: «Как же, знаю такого, он же не кто-нибудь, а майор». Чин затмевает все, даже здравый смысл, он существует отдельной величиной, как и нос (да и букв столько же). Гоголь в высшей степени тонко разбирался в этой чиновной иерархии, у него было очень развито «чувство чина», и в данном случае упомянутый Гоголем адрес и служит для подчеркивания неумеренного любования коллежским асессором Ковалевым присвоенным им себе военным чином.

Здесь можно привести реальный адрес из газетного объявления конца XVIII века: «У Его Превосходительства г-на Генерал-Полицмейстера в новом доме, что на Невском проспекте, желающим нанять квартиру обращаться к дворецкому». В адресе присутствует только чин (должность) и одна из главных улиц города, как и в случае с Ковалевым. Но кто такой генерал-полицмейстер – и кто такой Ковалев? Вот на что, по сути, замахивается наш коллежский ассессор.

Абсурдность приведенного Гоголем адреса можно показать более выпукло, если попытаться составить из него, например, объявление в газету: «Куплю манишки. Обращаться в Садовую, спросить квартиру майора Ковалева – там всякий покажет». Это объявление, кстати, ничуть не страннее другого, упомянутого Гоголем, – о сбежавшем пуделе черной шерсти, оказавшимся Казначеем такого-то заведения. Это мир Гоголя, для которого фантастика, бред – самая что ни на есть реальность. И приведенный адрес, и объявления смело можно назвать «гоголевскими».

По поводу адреса майора имеется еще одно соображение. В принципе, найти по нему человека все же можно (обходя по очереди многочисленных однофамильцев), – но только с помощью адресной книги, которая, правда, выходила довольно нерегулярно; или, что надежнее, через полицию – через контору адресов канцелярии генерал-губернатора, которая выдавала виды на жительство; или через канцелярию 3-й Адмиралтейской части, которой принадлежала большая часть Садовой. Этим, естественно, не будет заниматься баба, продающая манишки. Таким образом, перед нашим взором уже как бы замаячила фигура некоего полицейского чина (а они все представлены в «Носе»), стоящая на пороге майорской квартиры. Именно он и появляется в конце, в обличии квартального надзирателя и с носом в руке. Скорее всего, на такую развязку истории и намекал Гоголь, упоминая нелепый адрес Ковалева, который по зубам только полиции.

Совершенно необычна адресная линия в «Шинели». Для Гоголя здесь важны не конкретные улицы и площади, а в целом – «Петербург пышный» и «Петербург бедный», центр города и вообще его окраины. Поэтому путь Акакия Акакиевича из гостей представляется как движение расходящихся концентрическими кругами волн от брошенного в воду камня: он движется одновременно в нескольких направлениях, ибо повсюду от центра – окраины, окраины. Такой поразительный эффект вовлечения в действие всего Петербурга достигается во многом благодаря размытости адресных ориентиров (такой же размытостью будет обладать в эпилоге и фигура Акакия Акакиевича): героя раздевают на безымянной площади, убраны из окончательной редакции Свечной переулоч, Кокушкин и Поцелуев мосты, оставлен лишь Калинкин мост (как, возможно, символ чего-то очень окраинного – «где-то у черта на куличиках»), да появился по цензурным соображениям Обухов мост вместо Семеновских казарм. Гоголь жалуется, что не упомянет адрес чиновника, дающего вечеринку в честь шинели – это тоже своеобразный прием «размывания границ» отказом от более-менее конкретного адреса. В этом месте Гоголь пишет: «Все, что ни есть в Петербурге, все улицы и дома слились и смешались <...> в голове». Это – подсказка нам, ключик к пространству «Шинели». Более того, Гоголь предугадал в этой фразе даже наше психологическое, вернее, психическое, а уж если быть совсем точным – психопатическое состояние, когда мы тщетно пытаемся разгадать таинственные петербургские адреса из литературных произведений.

Так что Акакия Акакиевича раздевают просто на «бесконечной» площади, «которая глядела страшной пустынею». То ли на Сенной, раз Свечной переулоч и

Кокушкин мост, то ли на Покровской, раз упоминается Калинкин мост, то ли на гигантском Семеновском плацу, раз в тексте были Семеновские казармы. Если отталкиваться от «пустыни», то петербургской Сахарой называли вытопанное пыльное Марсово Поле – место в центре города, но пространство уж больно громадное, почти бесконечное; а если незаметно переправиться здесь через Неву, на Петроградскую сторону, то окажемся в другой городской неофициальной «пустыне» – незастроенной огромной эспланаде, прилегающей к Кронверку (нынешний Александровский парк). Наконец, что значит фраза в эпилоге «у Калинкина моста и далеко подальше»? «Далеко подальше» – это, в принципе, уже взморье, замерзший Финский залив, огромная снежная пустыня. Выходит – еще одна бесконечная площадь?

А может, все произошло на несуществующей, *выдуманной* площади, символе бесконечности и пустоты города или перехода в какое-то неведомое фантастическое пространство, – недаром будка «казалась стоявшею на краю света».

Вернемся к слову «*выдуманная*». Есть в «Шинели» выдумка несколько иного рода, одно точно выдуманное Гоголем место – Кирюшкин (в ранней редакции – Киврюшкинский) переулочек. Мимо этого факта прошла О. Г. Дилакторская, автор обширной статьи и комментариев к изданию «Петербургских повестей» Гоголя в серии «Литературные памятники» (СПб., 1995). Она причисляет этот Кирюшкин переулочек, вместе с Калинкиным и Обуховым мостами, к «элементам реально-бытовых указаний на городскую географию».

Ранее Гоголь уже выдумывал названия переулочков в «Женитьбе»; в «Ревизоре» он с определенной целью выдумал адрес Тряпичкина. А зачем Кирюшкин переулочек?

В этом выдуманном переулочке появляется призрак Акакия Акакиевича, его видит «будочник какого-то квартала в Кирюшкином переулочке». Может быть, этот ход нужен Гоголю для того, чтобы сказать «такого-то квартала в таком-то переулочке», т. е. опять размыть пространственные границы в его фантастическом городе, или же сказать: «в таком *не нашем* пространстве, что такого переулочка не может припомнить ни один нормальный петербуржец»? Топоним «Киврюшкинский» еще как-то похож на анаграмму слова «Кривуша», т. е. Екатерининский канал, а вот Кирюшкин? Может, из первоначального названия Гоголь просто отбросил пять букв?

Есть и другая идея, более жуткая. У Крестовского в «Петербургских трущобах» читаем: «В Петербурге был некогда палач, прозывавшийся Кирюшкой. Он отличался особой ловкостью и сноровкой в “деле”, за что приобрел огромную популярность в мире мошенников. В конце концов имя его сделалось символом палача»⁵.

Вспомним, что призрак Акакия Акакиевича «срывал шинели с плеч» (очень похоже на «голову с плеч»). В одном месте эпилога кучер «упрятал на всякий случай голову свою в плечи» (боится удара невидимого палача). Таким образом, маячит тень, призрак экзекутора, палача, Кирюшки. К тому же, и сам будочник несуществующего переулочка, по сути, тоже призрак, одна из «мертвых душ», несмотря на такие бытовые подробности его поведения, как желание во что бы то ни стало понюхать табачку.

Гоголь, его тень пропитывают весь Петербург. Работая над неофициальными адресами, я встретила в одном из номеров «Санкт-Петербургских ведомостей» за 1850 год (№ 145) объявление со следующим адресом: «Моск. часть 2 кварт. в

⁵ Крестовский В. В. Петербургские трущобы. М.; Л., 1936. Т. 1. С. 377.

доме Зверкова по Свечному переулку под № 22». Если в первый момент и захотелось проанализировать его по инерции, то буквально через пару секунд вдруг все мне в этом адресе аукнулось «страницей Гоголя». Где-то в Московской части, в нереальном переулке жила Агафья Тихоновна из «Женитьбы», «часть» и «квартал» вызвали в памяти колоритные фигуры частного пристава и квартального надзирателя из «Носа», цифры 2 и 22 в адресе автоматически сложились в 222, что при умножении на количество знаков – три – в итоге дало страшное число 666, число звяря, дьявола, черта – кого угодно из той мерзкой нечисти, которую так боялся и физически чувствовал Гоголь. В доме Зверкова (правда, по Столярному переулку) жил сам Гоголь, туда же он привел своего сумасшедшего вместе с собачками, умеющими говорить, читать и писать, а значит – тоже в своем роде сумасшедшими. Наконец, в Свечном переулке Гоголь первоначально поселил Акакия Акакиевича.

Неужели мы раскопали подлинный полный адрес Акакия Акакиевича или, учитывая, что «Шинель» для Гоголя была своего рода прощанием с Петербургом, еще гениальнее: мистический адрес пребывания души и духа Гоголя в нашем городе после того, как он его навсегда покинул в 1836 году?

Фантастика, скажете вы? Но, может быть, именно такой фантастики или, лучше сказать, сумасшедшинки, и не хватает новому памятнику Гоголю, при несомненном наличии в нем и самого *Портрета*, и *Невского проспекта* (правда, слишком уж отодвинутого, на что Гоголь слегка обиделся), не говоря уже о *Носе* и *Шинели*.